

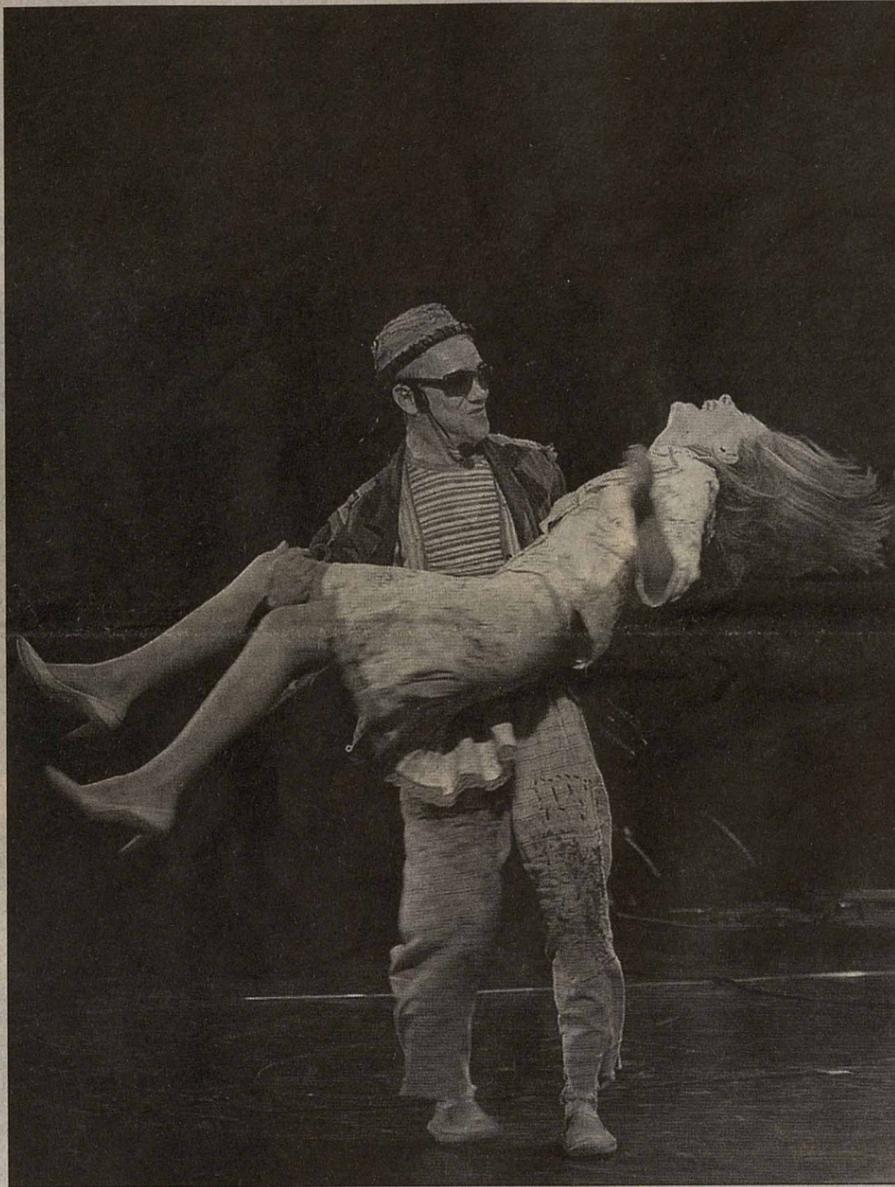
Видас СИЛЮНАС:

«Обрядовость витаминной программы»

Бразильский сезон на Чеховском фестивале – знакомство с искусством далекой страны. Мы так мало знаем о Латинской Америке, тем более о ее театрах. Если имена Маркеса, Борхеса, Жоржи Амаду у многих на слуху, то все остальное искусство, по сути, terra incognita. Есть климатические теории, утверждающие, что характер человека подвержен господствующему климату. Уже первое бразильское действо «Лунарио Перпетуум» эти теории подтверждало. То, что мы увидели, не было театром, скорее наивным, но обаятельным шоу. Музыкантами, двумя танцовщицами и всем залом командовал небольшого роста, щедушный, немолодой человек-оркестр, добродушный клоун, играющий на скрипке, на гитаре, певший народные песенки, лихо отплясывающий национальные танцы, – Антонио Нобрега. Начав с песни о Пречистой Деве, он перешел к балладе о капитане, чей корабль заблудился в море. Команда готовится съесть капитана и он посылает моряка забраться повыше на мачту и посмотреть, не видать ли берега. Моряк, обещающий избавление, оказывается дьяволом, он требует душу капитана за спасение корабля. Но капитан не поддается соблазну, и Бог вознаграждает его мужество. Постепенно песенки становились все игривее (к примеру песенка о счастливом петухе, у которого 100 жен, в то время, как мужчина вынужден довольствоваться одной), а танцы все бравурнее. В конце концов, наэлектризованный темпераментным, артистичным конферансье, зал был готов броситься на сцену, и счастливые зрители еще долго танцевали в фойе вместе с компанией Нобреги. «Лунарио Перпетуум» показало, как стосковалась русская душа по празднику, когда можно не чинясь выплеснуть накопившуюся энергию.

«Волшебная шкатулка», примостившаяся под козырьком Театра Моссовета, радушно принимала зрителей, выстоявших длинную очередь. Тебя любовно накрывали черной тканью, выдавали наушники, и ты оказывался в темноте перед круглым отверстием. «Закройте отверстие рукой и снимите руку, когда в наушниках заиграет музыка». И вот она звучит, а ты смотришь в глубину ящика, откуда появляется симпатичный маленький фотограф. Он рад тебе и для тебя готов устроить священнодействие. Он делает свое дело не торопясь, «снимает» тебя, увеличивает твоё изображение с помощью лупы. В конце представления тебе вручают микроскопический буклетик театра и как бы твою фотографию. Ощущение, что ты попал на старинную площадь с разнообразными ярмарочными чудесами.

Из спектаклей, показанных в программе, вероятно, лучшим был «Гамлет. Репетиция» «Компании актеров» в постановке Энерике Диаза. Жанр репетиции дает свободу игры. И потому никто не удивляется появлению в шекспировской пьесе волчка из «Трех сестер». На наших глазах пробуют самые разные приемы, некоторые из них могут кого-то и шокировать, скажем, голые Розенкранц и Гильденстерн, один из них показывает захватывающий номер со своим детородным органом, или похороны Офелии (хоронят кусок мяса, то прижигая его утюгом, то засыпая красной землей). Роль Гамлета, как и другие, перемещается от одного исполнителя к другому, есть среди исполнителей Гамлета и женщина. Действие происходит здесь и сейчас. «Гамлет! Тебе поджарить тосты?» – спрашивает Гертруда. Сцена с королевой проектируется на экран, да и Полоний не просто подслушивает, но снимает Гамлета и Гертруду на киноплёнку. Безусловно, в «Репетиции» существуют и неожиданно поэтичные моменты. Компания призраков (среди них и Призрак отца) исполняет мелодичную музыку, проводя по краям бокалов.

Кстати, убив по ошибке Полония, Гамлет уже не покушается на жизнь Клавдия. В «Мышеловке» Клавдий сам играет себя, и тема очищения театром явно присутствует в спектакле. Много ли мы узнали о Бразилии? Поняли ли мы ее? И да, и нет. Кому-то не хватало карнавальности, хотелось большей экзотики. Кому-то – театрального искусства в нашем понимании. Очевидно, что спектакли, попадая в чужую страну, оказываются вырванными из контекста. И потому мы решили обратиться к Видасу СИЛЮНАСУ, знающему культурную жизнь Латинской Америки не понаслышке.

– Как начиналось ваше знакомство с искусством латиноамериканских стран?

– В приснопамятные советские времена меня долго куда-то не выпускали, даже в соцстраны. И только благодаря Алле Михайловой (работавшей в Министерстве культуры), дай Бог ей здоровья, ситуация изменилась, именно она пробила для меня первую поездку за границу. С

ее легкой руки я попал сперва в Чехословакию и ГДР, а потом вместе с режиссером Виктором Монюковым в Венесуэлу, которая произвела на меня шоковое впечатление. С тех пор я стал довольно часто ездить по латиноамериканским странам, естественно, чтобы посмотреть тамошний театр. Кстати, в Бразилии я не был, но на международных фестивалях в Мексике, в Колумбии, где выступали Брук, Штайн, Стура, Бернштейн, бразильский театр никак себя не проявлял.

– Какой из латиноамериканских спектаклей показался вам самым сильным и необычным?

– Запомнился спектакль Автономного университетского театра Мехико (не самодельный, а профессиональный). Режиссер Хулио Кастильо поставил «На дне» Горького. Действие спектакля происходило на запасных путях американской железнодорожной станции в вагоне первого класса, который почти полностью сгнил. Все началось в темноте, горели только огоньки сигарет, а потом зажегся слабый свет, освещавший голь перекаченную. Самый страшный из героев был Сатин, это он доводил Ак-

тера до самоубийства. Персонажи жили в вагоне, находящемся в тупике (во всех смыслах). Но время от времени возникала галлюцигенная ситуация, когда кажется, что вагон тронулся и они куда-то приехали. Сумерки, полутьма вдруг озарились ослепительным светом, Васька Пепел начинал бить в старый железнодорожный колокол. И они под колокольный звон выходили на авансцену-перрон с просветленными лицами, как будто приехали в коммунизм. А потом становится понятно, что это бред, галлюцинация, и персонажи возвращаются обратно, еще более отчаявшимися, прошившимися от сна к реальности. На улицу вынесен деревянный туалет, где умирала Анна. И оттуда она выходила в параллельное пространство, на желтую, цвета гноя, дорогу. Но когда ухнул Лука, над вагоном возник купол неба и Лука поднимался по этому куполу по тонкой, как паутина, лесенке. Возникло еще одно измерение, вертикальное. Духовное измерение, путь к Богу. Очень страшный и сильный спектакль.

– И вы ничего не слышали о бразильском театре?

– Как ни странно, на фестивалях он не проклеивался. И подсознательно думалось: там есть карнавал и футбол. И все.

– Но, кроме роскошного карнавала из Сан-Пауло, на московской Олимпиаде, на одном из Чеховских фестивалей была «Книга Иова» из Бразилии. Впечатление сильное.

– Да-да. Именно Валерий Шадрин в 1998 году пригласил спектакль Антонио Араужо, и режиссер три недели перестраивал театр «Модерн». Он превратил «Модерн» в странный симбиоз клиники и гестапо, создал образ вечного, пыточно-го пространства. Иова обливали кровью с головы до ног. Я писал об этом спектакле: «Вверх по лестнице, ведущей в ад». Там был образ операционной, в которой должны то ли лечить, то ли зарезать. Но также, как в спектакле Кастильо, вдруг с неба начинал падать свет, в Ветхом Завете он является эманацией божества. После всех ужасов возникала христианская идея ненасирности страдания. Вопреки ожиданиям бразильской веселой карнавалопереточной пестроты, мы увидели пессимистический черно-белый спектакль с мазками крови.

– Знаете ли вы что-либо о том, что делает Араужо сегодня?

– Тогда режиссеру было около 30. Сейчас, наверное, 36. Он выглядит очень молодым, щуплым, небольшого роста. По нашим меркам – молодой режиссер. В последний свой приезд, прошлым летом (в Бразилии это «суровая» зима – плюс 25 градусов) я посмотрел его «Преступление и наказание», которое он поставил со студентами. Араужо не любит сцену-коробку и для каждого спектакля моделирует особую структуру пространства. Здесь пространство комнаты, обшитой железом, куда вы входите, и перед вами – автомобильное кладбище, валяются старые шины, остов вдребезги разбитой машины. Стена, отдаленно напоминающая рындинские ворота «Гамлета». Некие ворота из старого ржавого железа с множеством секций, в них и разворачиваются события. Открываются железные клетушки, и в этих железных карцерах, как в пятом круге Ада Данте, играет «Преступление и наказание». У Достоевского низкий потолок давит душу Раскольникова, а здесь Раскольников сидит скрючившись (его играют несколько ребят, что правильно, они играют разные «грани» Родиона Романовича). Разговор с Порфирием Петровичем решен так, что видны только головы персонажей, а потом внизу открывается маленькая клеточка, и мы видим ноги Раскольникова, которые дрожат. Своеобразный монтаж, как в кино. Такое анатомирование на отдельные «сегменты психики». Этот монтаж работает очень жестко, направленно, энергично, даже безжалостно. Есть вещи, которые русского зрителя могут шокировать. Сонечка – проститутка, но мы об этом забываем, думая о ее душевных муках и ее душевной красе. В этом спектакле ее пользуют в старой машине, ее комната, высотой с уличный туалет, где у нее душ, при ее профессии – нужная вещь. И когда к ней приходит Раскольников, он раздевается догола, и у него на груди написано черной тушью: «я убил старуху». Сонечка душем смывает эту тушь с его тела. В финале Араужо делает отличный «ход конем». Когда Раскольников в железных воротах падает на колени (аналог покаяния на площади)

Экран и сцена –

Чехов Ф.И. (рецензия)

11-13-14) 07-06

А

— эти железные ворота вдруг разъезжаются, и открывается глубина космической Сибири, холодной, серой, неуютной. Опять же черно-белая экспрессионистическая графика, как в "Книге Иова".

— Наверное, пора вернуться к бразильской программе нынешнего фестиваля. Вы ведь ездили отбирать спектакли. Не так ли?

— Нас было четверо: Валерий Шадрин — душа, мотор и организатор всех побед фестиваля, Александр Волков из Министерства культуры, критик Марина Давыдова и я, грешный. Мы думали привезти один спектакль, но отобрали пять. Потому что они оказались безумно разными. Разными по сравнению с европейскими спектаклями. Такого типа художников, как Антонио Нобрега у нас нет.

Вот, скажем, "Фауст Зеро" и "Репетиция. Гамлет" — это авангард. Тропический авангард. Он сильно отличается от немецкого, умозрительного авангарда, который обожает молодое поколение критиков. В бразильском варианте гораздо больше иррационального, сочного. Там больше соков жизни, как вообще в Бразилии. Вы едете по дороге, и на обочинах шоссе за сущие гроши продаются фрукты. Вы можете их купить, но через двести метров те же фрукты растут на деревьях, вы можете их сорвать сами. Там не надо за свежесорванный сок платить цену, которую русскому интеллигенту платить трудно. В Бразилии эти соки на каждом шагу, они висят на деревьях, ты сам сорвешь фрукт и выжмешь себе в рот.

Фестивальная бразильская программа — сочная, витаминная программа. Европейский авангард часто страдает авитаминозом. Понятно, что можно любить и такое искусство. Майя Туровская замечательно написала про "Черного монаха" Камы Гинкаса, что XX век вообще потерял интерес к здоровым людям. Еще в "Волшебной горе" Томас Манн показал, что здоровые — совершенно неинтересны, что культуру интересует только болезнь. Чехов показал это в "Черном монахе", а параллельно в Вене другой доктор — Зигмунд Фрейд обратил на это внимание. Но честно говоря, меня интересуют здоровые люди. Может быть, потому, что сам я достаточно много болел и считаю, что ничего романтического в болезни нет.

Бразильский авангард очень сочен, как сочна интенсивность красок этой страны. Московский ноябрь — не самая красочная пора. В Бразилии любой месяц красочен, стоит уехать за черту города — там цветет все. Бразильцы с гордостью говорят, что в Европе — 30 тысяч видов растительности, а в Бразилии — 60 тысяч. Цветущие деревья в огромном количестве. Спрашиваешь, что это цветет? Отвечают: деревья. Ну, кто может упомянуть 60 тысяч названий? Когда я читал лекцию о русском театре в университете Сан-Пауло, меня коллега, Арлетте, тамошний специалист по Мейерхольду, замечательная женщина в награду повезла на свою дачу, на остров. Он так и называется: "Прекрасный остров". Меня везли на пароме, было темно. И я увидел остров, когда проснулся. Я решил, что Бог решил открыть рай для грешников, что взят в рай живым. С балкона вниз спускались джунгли — сто сортов цветущих деревьев. Красные деревья, они очень тонкие и потому такие дорогие. Курстарик цветущий. Масса птиц. Джунгли кончаются золотым пляжем с пальмами. И залив, над которым носятся цветные парашюты, парашютисты опускаются в залив на водных лыжах. Фантастика!

На следующий вечер меня повезли смотреть закат на конец острова, там мы сидели в ресторане, где подают только что пойманную рыбу. И закат смотришь как спектакль. В барочном театре пытались делать что-то подобное, а потом в английском театре. О чем Елена Хайченко замечательно написала в своей книге о паратеатральных зрелищах. В Англии конца 18-го века были панорамы, в которых показывали закаты и рассветы. В Бразилии не нужно никакого паратеатра, надо просто знать, в каком кафе сесть вечером на открытом воздухе, где особенно хорошо виден закат. Удивительная зрелищность самой природы. Для нас зрелищность — это что-то искусственное. Она ассоциируется с официозом. Как зрелищность фашистской Германии. Демонстрации, шествия, парады. Говорят, что на бразильском карнавале мафия отмывает деньги. Но закат никак не может быть под контролем мафии.

И то же можно сказать о театре. Он зрелищен. И авангард там зрелищный. И "Гамлет" — зрелищный спектакль. Хотя он совсем не является произведением массовой культуры.

— "Репетиция. Гамлет" показал театр "Компания актеров" из Рио-де-Жанейро. Все остальные спектакли из Сан-Пауло. Насколько я знаю, Сан-Пауло — научный, промышленный, культурный центр. Мне рассказывали, что некоторые из Рио летают на самолете (45 минут) на работу в Сан-Пауло.

— Сан-Пауло — главный город, немного страшноватый по обилию людей, однообразный по архитектуре, вырванный из органического, цветущего пространства, мегаполис. Люди загнаны в ульи. Но там изобретают науку, технику и искусство. А Рио — один из самых живописных городов в мире. Там замечательный залив, по которому разбросаны островерхие скалы. Похоже на японский "сад камней". Кажется, что Бог разбросал в этом заливе камни. Все безумно живо-

вых, национальных конфликтов. Но мне показалось, что из всех стран, которые я видел, Бразилия страдает от конфликтов в наименьшей мере. Во многих латиноамериканских странах правительство состоит из белокожих. В Бразилии гордятся тем, что кто-то из предков был черным. Нас из уважения принимал министр культуры Жилберто Жил. Мы ждем его появления, и вдруг входит негр, губы в пол-лица и волосы заплетены в косички. Хотя в основном нас опекал Антонио Грасси — Президент Национального фонда искусств Бразилии (ФУНАРТЕ), интеллигентнейший, обаятельный человек.

— Как бы вы определили особенно бразильской культуры?

— Я не очень согласен с идеей пассивности Льва Гумилева, но к бразильской культуре эта теория может быть применима. Это молодая культура. У них не было своих Кальдеронов и Мольеров. Понятно, что даже по сравнению с российским театром бразильский театр молод. Но это уже театр, где очень мно-

го талантливого народа, с другой стороны, у них нет чувства пресыщенности. У них есть замечательная жадность. Может показаться, что они мало знают. Ничего подобного. Они жадны потому, что уже достаточно много знают, и у них есть хороший творческий интерес.

— Больше всего откликов получил "Золотой оскар" театра "Офисина" — зрелище, выстроенное как телерапорт и отчасти хэппенинг. Артисты разгуливали по залу в костюмах Адама и Евы, присаживаясь на колени к зрителям, призывали дам (впрочем, безуспешно) принять участие в конкурсе "на лучшую грудь". Это, вероятно, самый радикальный из бразильских театров?

— Театр "Офисина" — самый левый. Он поднимался на гребне конца 60-х. В 1968 году во время студенческих волнений он был в Париже. "Офисина" — театр провокации. Их представление о свободе осталось тем же, что было 30 лет назад. Театр Жозе Селсу отчасти напоминает Таганку Юрия Петровича Любимова. Но Любимовский театр изменился. А Жозе Селсу все тот же. Есть чудное воспоминание Бунюэля, приезжающего

писно. А рядом — знаменитые пляжи. Город перестал быть столическим, он потерял экономическое и политическое значение. Его жители решили: надо просто жить и наслаждаться жизнью. Под сенью стометрового Христа, стоящего на горе, поросшей джунглями, бамбуком, папоротниками. Когда вы едете туда на трамвайчике, вы едете через джунгли к Богу, все выше и выше. И высшая точка джунглей — Господь, под сенью этой статуи они живут, и никакой театр им не нужен. И так хорошо. Мальчики заигрывают с девушками, но делают это очень артистично. Там существует особая традиция уличного комплимента. У нас, как правило, знакомство на улице весьма банально: "который час?" или "как вас зовут?". А там это целое искусство. Рио — счастливый город, живущий расслабленной жизнью, а в Сан-Пауло, наоборот, вкальвают, творят.

— Бразилия — религиозная страна?

— Это религиозная страна, и там, кроме католицизма, существуют африканские культы. Но на деле существует синкретизм нации, довольно гармоничный. Говорят, что бывают расовые напряжения. Нет страны, где не было бы расо-

в Париж после долгого отсутствия, и Андре Бретон ему говорит: "Луис! Как жить дальше? Скандаль больше невозможен". На встрече с бразильскими театральными деятелями, состоявшейся в рамках Чеховского фестиваля, говорилось о том, что эта эстетика несколько устарела. Сейчас раздеванием догола уже никого не удивишь. Должен сказать, что я спектакля "Золотой оскар" не видел в Сан-Пауло. Остальные спектакли я видел. Валерий Иванович Шадрин мог принять решение сам, но он человек тактичный и с нами советовался.

— Чудесен, по-моему, микротеатр "Волшебная шкатулка". Конечно, это не совсем то, что мы называем кукольным театром, скорее, это похоже на площадное действо.

— Замечательный театр. Я думал, что объединяет всю бразильскую разнообразную программу, и нашел определенное "обрядовость". Для нас "обрядовость" — это Кашпировский, что-то жульническое. А у них — католическая страна с замечательными католическими праздниками, всегда театрализованными. С другой стороны — негритянские радения. И Антонио Нобрега отталкивается от обряда. И вот этот маленький кукольный спектакль "Фотограф", он напоминает об эпохе, когда фотографирование было своего рода ритуальным действием. Бразильский театр интерактивен, как сегодня говорят.

— И московский зритель, мне кажется, откликнулся. Особенно это было очевидно на "Лунарио Перпетуум" Антонио Нобреги. Зал был счастлив и с огромным энтузиазмом шествовал по проходу в фойе, где радостно танцевал вместе с бразильскими артистами. У нас вообще нет ни уличного театра, ни той веселой обрядовости, о которой вы говорили. Это было особенно очевидно на Олимпиаде, где карнавалы стали счастливыми событиями для москвичей.

— Народ должен работать и праздновать. У нас были замечательные традиции масленичной культуры, которые порубили буденновской шашкой. Помню ребенком в Литве, как ряженые приходили в дом. Чехов был провидцем. Наташа запретила ряженых, а Ленин подхватил ее почин.

— И мне кажется, что приобщение к другим культурам, более открытым, сохранившим свои корни, — важная задача Чеховского фестиваля. За что огромное спасибо Валерию Ивановичу Шадрину.

— Этот человек совершает подвиг. Олимпиада, может быть, самый великий фестиваль за всю историю театра. Какие-то Чеховские фестивали бывают замечательные, какие-то хуже. Благодаря Шадрину нам с доставкой на дом привозят лучшее, что есть в мире. И ведь весь фестиваль на нем одном держится, хотя у него прекрасный коллектив, работающий по 24 часа в сутки. Валерий Иванович пробил идею фестиваля. Ну, идея может прийти в голову и кому-то другому. Но реализовать ее только ему под силу. Организовать гастроли, доставать огромные деньги. Он все делает ценой невероятных усилий. У Шадрина — феноменальная энергия, выдающийся организаторский талант. При своей непосредственности он очень четко продумывает концепцию того фестиваля, который творит. Он очень искренний человек, но голова у него работает как самый современный компьютер. Он слишком колоритен, чтобы стать похожим на фестивального функционера. Но все при нем: ум, огромное обаяние. Рассказывают, что некоторые известные театральные деятели Запада запрашивают с фестиваля вдвое меньше денег только потому, что их позвал Шадрин.

— Я могу в это поверить.

Беседовала
Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

● Сцена из спектакля
"Лунарио Перпетуум"
● Сцена из спектакля
"Гамлет. Репетиция"
Фото М.ГУТЕРМАНА

Зритель и сцена